

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРИОРИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА СПЕЦИАЛИСТОВ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ

И.А. Истомин

Московский государственный институт международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Российская Федерация

Оценка степени соответствия интересов научно-образовательного сообщества политологов-международников приоритетам российской внешней политики представляет не только чисто исследовательский, но и сугубо практический интерес. В условиях, когда государственные ведомства выступают основным заказчиком как специализированных кадров, так и аналитических продуктов в сфере изучения международных отношений, соответствующие разработки могли бы способствовать обоснованию статусных и материальных запросов ученых и педагогов. Тем не менее до сих пор систематические попытки соотносить работу исследователей с требованиями практики на основе обширного эмпирического материала не предпринимались.

Настоящая статья призвана стимулировать дискуссию относительно соотношения между приоритетами научно-образовательного сообщества и государственной политики на основе сравнительного анализа основных направлений внешнеполитической деятельности Москвы с тематической структурой массива диссертаций по политическим наукам. С этой целью в данной статье рассматривается эволюция различных изданий концепции внешней политики Российской Федерации как основного открытого документа стратегического планирования. На основе выявленных в них приоритетов производится классификация диссертационных исследований по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития», подготовленных с 1991 г. Выбор этого типа научных работ в качестве объекта анализа определяется тем, что они раскрывают долгосрочные интересы специалистов-международников, обладают значительным мультипликативным эффектом на научные публикации и образовательные программы, а также характеризуют переход молодых специалистов от стадии обучения к вхождению в профессиональное сообщество.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что тематические приоритеты диссертационных исследований, подготовленные в 2000—2010-х гг., в целом соответствуют основным направлениям российской внешней политики, изложенным в концептуальных документах. В то же время в диссертациях недостаточное внимание уделяется ряду важных проблем, таких как контроль над вооружениями, политические аспекты формирования глобальной инновационной системы, международные отношения на постсоветском пространстве и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Ключевые слова: концепция внешней политики, внешняя политика России, функциональные приоритеты, региональные приоритеты, политические науки, диссертации, научно-образовательное сообщество

Для отечественного научно-образовательного сообщества специалистов-международников характерна регулярная рефлексия относительно текущего состояния и направленности развития их дисциплины (см., например: [Богатуров 2004; Цыганков 2013; Дегтерев 2015; Истомин, Байков 2015; Лебедева 2015]). В то же время работы такого рода, как правило, фокусируются на двух типах вопросов. Во-первых, предметом интереса выступает структурирование российских исследователей по различным школам и подходам. Во-вторых, значительное внимание уделяется сопоставлению научной дискуссии в отечественном сообществе с зарубежными (прежде всего западными) практиками с целью обоснования специфики российского подхода.

Вместе с тем за пределами обсуждения нередко остается проблема соответствия исследований и преподавания международных отношений потребностям российской внешней политики. С учетом того, что большая часть научной работы осуществляется в организациях, финансируемых из государственного бюджета, обеспечение их релевантности потребностям национальной стратегии представляет собой не абстрактный вопрос, а инструмент обоснования получаемой поддержки.

Оценивание степени соответствия деятельности научно-образовательного сообщества социальному и государственному запросу может осуществляться по множеству оснований и на основе различного инструментария. В настоящей статье ставится относительно узкая задача оценки степени тематического соответствия производимых исследований основным направлениям внешнеполитического планирования и степени их значимости для реализуемого курса. При этом в качестве основного типа источников для анализа будут использованы диссертационные работы политологов-международников.

Для достижения поставленной цели в следующем разделе будет рассмотрен процесс эволюции доктринального оформления российской внешней политики. В нем обосновано значение концепций внешней политики как основного публичного документа, характеризующего стратегию Москвы на международной арене. После этого будут проанализированы положения различных редакций концепции, определяющих основные направления реализуемого курса. Еще один раздел будет посвящен описанию методологии анализа диссертаций. Наконец, последний раздел основной части представит результаты классификации собранных данных. В заключение будут выявлены основные расхождения между концептуальными документами по внешней политике России и приоритетами научно-образовательного сообщества.

РОССИЙСКИЙ ОПЫТ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ОФОРМЛЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

После распада Советского Союза Россия столкнулась с необходимостью определения системы внешнеполитических приоритетов в новых условиях. Этот процесс потребовал времени и преодоления ряда неоправдавшихся надежд периода распада биполярной системы. В 1993 г. показательным стал ответ министра иностранных дел России А.В. Козырева на вопрос бывшего президента США Р. Никсона о национальных интересах новой страны. Глава российского дипло-

матического ведомства заметил, что «одна из проблем Советского Союза состояла в том, что мы слишком как бы заклинились на национальных интересах. И теперь мы больше думаем об общечеловеческих ценностях». Он также добавил: «Но если у Вас есть какие-то идеи, и Вы можете нам подсказать, как определить наши национальные интересы, то я буду Вам очень благодарен» (цит. по: [Батурин, Ильин, Кадацкий, Костиков, Краснов, Лившиц, Никифоров, Пихоя, Сатаров 2001: 471]).

Подобные высказывания не означали отказ от определения приоритетов во внешней политике. Тот же А.В. Козырев на заседании коллегии МИД раскрывал свои представления о детерминантах проводимого им курса: «Быть партнерами США — это самое важное. Более того, надо быть первыми партнерами США, иначе ничего не останется от статуса великой державы» (цит. по: [Адамишин 2016: 296]).

В 1993 г. Москва впервые постаралась закрепить ключевые характеристики своей стратегии на международной арене в документе, получившем название «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации»¹. В нем было зафиксировано 15 направлений деятельности страны.

На первое место ставилось развитие сотрудничества со странами СНГ. Вслед за ним указывалась необходимость укрепления контроля над вооружениями и поддержания международной безопасности, а также обеспечения содействия экономическим реформам. Далее в «Основных положениях» обращалось внимание на выстраивание партнерских отношений с США и Европой, приобретение прочных позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе, предотвращение угроз, исходящих из Южной и Западной Азии, а также с Ближнего Востока. Документ также выделял в качестве отдельных направлений дипломатической работы поддержание контактов со странами Африки и Латинской Америки. После этого он постулировал российское стремление удерживать активную роль в ООН и других международных организациях; выстраивать конструктивную кооперацию с Движением неприсоединения; участвовать в гуманитарном сотрудничестве во исполнение своих обязательств в области прав человека; содействовать реализации миротворческого потенциала религиозных общин; решать за счет международного взаимодействия экологические проблемы.

Представленный перечень направлений демонстрирует слабо систематизированный набор разноуровневых тем, в том числе отсутствие разграничения между региональными приоритетами и функциональными областями международного взаимодействия². Кроме того, наполнение стратегии оказалось достаточно

¹ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации утверждены Распоряжением Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 23 апреля 1993 г. // Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002: Хрестоматия. Т. 4. Документы / сост. Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО, 2002. С. 19—50.

² Под функциональными приоритетами здесь и далее понимаются направления внешней политики России, привязанные к некоторой тематической области, а не географическому ареалу (например, такие как обеспечение контроля над вооружениями и международной безопасности или участие в формировании нового мироустройства). Такое словоупотребление соответствует устоявшемуся дискурсу МИД России, в котором проводится разграничение между «территориальными» и «функциональными» департаментами.

разнородным — если на одних направлениях обосновывалась лишь общая логика поведения, то к другим прилагался набор конкретных мероприятий.

Тем не менее заложенная «Основными положениями» 1993 г. практика публичного представления приоритетов в специализированном документе получила продолжение уже в 2000—2010-х гг. В этот период было принято четыре варианта концепции внешней политики России³. Все они строились по единой архитектуре, которая во многом наследует логику самого первого подобного документа, но в то же время отличается большей структурированностью изложения направлений внешнеполитической деятельности.

Концепции внешней политики — не единственный инструмент фиксации и публичного оглашения приоритетов российской стратегии на международной арене. Большое значение в осуществлении этих функций играют программные выступления и статьи политических лидеров и руководителей внешнеполитических ведомств⁴.

Более того, по мнению отечественного исследователя А.Д. Богатурова, приоритеты России выкристаллизовались в качестве доктрины лишь в 2006 г. в выступлении руководителя страны перед послами и постоянными представителями. Предыдущие попытки концептуализации российских интересов были лишены общей стержневой идеи, связывающей отдельные направления внешней политики в единую логику. В 2006 г. президент России В.В. Путин сформулировал доктрину «приведения в соответствие» экономических возможностей и политического статуса [Богатуров 2007: 65].

³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28.06.2000. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 15.07.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации. 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkBV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 30.11.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 14.11.2017). Необходимо отметить, что документ 2008 г. позиционировался как обновленная редакция Концепции 2000 г., а документы 2013 и 2016 гг. — как новые концепции. Вместе с тем такое статусное различие не имело сколько-нибудь заметного содержательного значения.

⁴ См., например: Ельцин Б.Н. Выступление на заседании Совета Безопасности ООН 31 января 1992 г. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/8987/> (дата обращения: 14.11.2017); [Козырев 1994; Примаков 1996]; Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999; Путин В.В. Выступление на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 14.11.2017); Медведев Д.А. Интервью российским телеканалам. 31.09.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1276> (дата обращения: 14.11.2017); Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012; Путин В.В. Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». 24.09.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 14.11.2017).

Несмотря на содержащуюся в анализе А.Д. Богатурова критику стратегических документов 1990-х и первой половины 2000-х гг., сложившаяся практика обновления Концепции внешней политики в ситуации смены политического лидерства или изменений международной среды (документ обновлялся после избрания президентом В.В. Путина и Д.А. Медведева, а также после обострения противоречий с Западом в ходе украинского конфликта) свидетельствует о том, что руководство страны воспринимает его как значимый инструмент транслирования своих представлений о международном окружении, позиционировании России в мире и принципах выстраивания ее поведения.

Кроме того, иные формы коммуникации (выступления, интервью, статьи) концентрируются, как правило, на ограниченном круге наиболее острых вопросов. Между тем Концепция дает сбалансированное и структурированное описание, как ключевых, так и периферийных направлений политики. Это свойство особенно значимо с точки зрения задач настоящей статьи.

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ РОССИИ

Сложившийся в России формат концепций внешней политики включает четыре основных структурных элемента: обоснование цели и места данных концепций в системе национального стратегического планирования; отражение состояния международной среды и позиционирование в ней России; последовательное изложение функциональных и региональных приоритетов государства; определение методов и средств реализации указанных приоритетов⁵. Такая архитектура позволяет ясно представить внешнеполитическую программу государства, так как легко подвергается декомпозиции.

С точки зрения целей настоящей статьи наибольший интерес представляет третий элемент этой структуры, излагающий основные направления внешнеполитической деятельности. Начиная с Концепции 2000 г. они разделяются на функциональные и региональные, что обеспечивает более четкое структурирование различных типов приоритизации. При этом если в документе 1993 г. региональные приоритеты в большинстве случаев предшествовали функциональным, то в последующих редакциях изложение последних неизменно предшествовало рассмотрению отдельных географических измерений.

⁵ Здесь и далее анализ концептуальных документов опирается на Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации утверждены Распоряжением Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 23 апреля 1993 г. // *Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002: хрестоматия*. Т. 4: *Документы* / сост. Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО, 2002. С. 19—50; Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28.06.2000. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 15.07.2008. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации. 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 14.11.2017); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 30.11.2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 14.11.2017).

Эволюция отражения функциональных и региональных приоритетов в различных версиях Концепции внешней политики России представлена в табл. 1 и 2 соответственно.

Таблица 1 / Table 1

**Эволюция функциональных приоритетов
в концептуальных документах Российской Федерации (1993—2016) /
Evolution of issue-area priorities in Russian strategic documents (1993—2016)**

1993	2000	2008	2013	2016
Контроль над вооружениями и международная безопасность / Arms control and international security	Формирование нового мироустройства / Formation of a new world order	Формирование нового мироустройства / Formation of a new world order	Формирование нового мироустройства / Formation of a new world order	Формирование справедливого и устойчивого мироустройства / Formation of an equitable and sustainable world order
Содействие экономической реформе / Promotion of the economic reform	Укрепление международной безопасности / Strengthening international security	Верховенство права в международных отношениях / The rule of law in international relations	Верховенство права в международных отношениях / The rule of law in international relations	Верховенство права в международных отношениях / The rule of law in international relations
ООН и другие международные организации / UN and other international organizations	Международные экономические отношения / International economic relations	Укрепление международной безопасности / Strengthening international security	Укрепление международной безопасности / Strengthening international security	Укрепление международной безопасности / Strengthening international security
Движение неприсоединения / Non-alignment movement	Права человека и международные отношения / Human rights and international relations	Международное экономическое и экологическое сотрудничество / International economic and environmental cooperation	Международное экономическое и экологическое сотрудничество / International economic and environmental cooperation	Международное экономическое и экологическое сотрудничество / International economic and environmental cooperation
Права человека и основные свободы / Human rights and fundamental freedoms	Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности / Information support of foreign policy activity	Международное гуманитарное сотрудничество и права человека / International humanitarian cooperation and human rights	Международное гуманитарное сотрудничество и права человека / International humanitarian cooperation and human rights	Международное гуманитарное сотрудничество и права человека / International humanitarian cooperation and human rights
Религия и религиозные организации / Religion and Religious Organizations		Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности / Information support of foreign policy activity	Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности / Information support of foreign policy activity	Информационное сопровождение внешнеполитической деятельности / Information support of foreign policy activity
Экологические проблемы / Environmental problems				

Примечание. Для документа 1993 г. разграничение функциональных и региональных приоритетов производилось аналитически. Серым цветом выделены положения, которые сохраняли свое место и название в различных версиях концептуальных документов.

Таблица 2 / Table 2

**Эволюция региональных приоритетов
в концептуальных документах Российской Федерации (1993—2016) /
Evolution of regional priorities in Russian strategic documents (1993—2016)**

1993	2000	2008	2013	2016
СНГ / CIS	СНГ / CIS	СНГ / CIS	СНГ / CIS	СНГ / CIS
США / USA	Европа / Europe	Европа / Europe	Евро-Атлантический регион / Euro-Atlantic region	Евро-Атлантический регион / Euro-Atlantic region
Европа / Europe	США / USA	США и Северная Америка / USA and North America	Арктика и Антарктика / Arctic and Antarctica	Арктика и Антарктика / Arctic and Antarctica
Азиатско-Тихоокеанский регион / Asian-Pacific area	Азия / Asia	Азиатско-Тихоокеанский регион / Asian-Pacific area	Азиатско-Тихоокеанский регион / Asian-Pacific area	Азиатско-Тихоокеанский регион / Asian-Pacific area
Южная и Западная Азия / South and West Asia	Ближний Восток и Северная Африка / Middle East and North Africa	Ближний Восток / Middle East	Ближний Восток и Северная Африка / Middle East and North Africa	Ближний Восток и Северная Африка / Middle East and North Africa
Ближний Восток / Middle East	Африка / Africa	Африка / Africa	Латинская Америка и Карибский бассейн / Latin America and the Caribbean	Латинская Америка и Карибский бассейн / Latin America and the Caribbean
Африка / Africa	Центральная и Южная Америка / Central and South America	Латинская Америка и Карибский бассейн / Latin America and the Caribbean	Африка / Africa	Африка / Africa
Латинская Америка / Latin America				

Примечание. Для документа 1993 г. разграничение функциональных и региональных приоритетов производилось аналитически. Разными цветами выделены положения, которые сохраняли свое место и название в различных версиях концептуальных документов.

Содержательное наполнение каждого из разделов, описывающих отдельные функциональные и региональные направления, существенно менялось со временем, исходя из текущей международной конъюнктуры. В то же время на уровне общей структуры приоритетов наблюдается существенная преемственность всех концептуальных документов начиная с 2000 г. Все они характеризуются более высоким уровнем системности в изложении основных направлений внешней политики по сравнению с попытками стратегического планирования 1990-х гг.

Изложение функциональных направлений внешней политики фактически приобрело заверченный характер в редакции 2008 г., когда было осуществлено разделение политических и непосредственно правовых компонентов мирового порядка. В дальнейшем наблюдалось лишь незначительное уточнение, связанное с вынесением в название направления требований к мироустройству, которое отстаивает Россия (справедливое и устойчивое). В остальном же установившаяся структура сохранялась в трех документах подряд, определявших ориентиры российской внешней политики на протяжении десятилетия.

Из устоявшегося перечня функциональных направлений в российских концептуальных документах выбивается последний приоритет, связанный с информационным сопровождением внешнеполитической деятельности. В то время как предшествующие положения охватывают различные области международных взаимодействий (мировой политический и правовой порядок, международная безопасность, взаимодействие в экономической и экологической сферах, а также гуманитарно-правозащитная тематика), он описывает набор инструментов, призванных обеспечить осуществление российской внешней политики. В этой связи было бы более логичным его размещение в одном из последующих разделов, характеризующих процесс формирования и реализации стратегии Москвы на мировой арене.

Система региональных приоритетов России также остается стабильной, хотя в концепциях 2013 и 2016 гг. наблюдается ряд новаций по сравнению с 2000 и 2008 гг. В первую очередь, закрепилось представление о евроатлантическом пространстве как едином региональном комплексе. В Концепции 2000 г. это понятие упоминается лишь раз в части, характеризующей состояние международной среды. Впоследствии частота его использования возросла, а начиная с Концепции 2013 г. оно заместило прежнее разделение европейского и североамериканского направлений в структуре региональных приоритетов. В рамках общего описания политики в отношении евроатлантического направления сохранилась прежняя последовательность, когда рассмотрение отношений с общеевропейскими организациями и отдельными странами предшествует описанию взаимодействия с США и Канадой.

Еще одним значимым изменением в российском внешнеполитическом планировании 2010-х гг. стало вычленение Арктики и Антарктики в качестве отдельного регионального направления внешней политики России. В документах 1993 и 2000 гг. они вообще не упоминаются. В концепции 2008 г. арктическая проблематика затрагивается применительно к отношениям со странами Северной Европы и Канадой. С 2013 г. Арктика (вместе с вопросами Антарктики) рассматривается сразу после политики Москвы в Евро-Атлантическом регионе.

Столь высокое позиционирование, впрочем, не должно вводить в заблуждение. По объему и содержательному наполнению соответствующие положения концепций существенно уступают параграфам даже по тем географическим направлениям, которые идут ниже в системе приоритетов. Применительно к Антарктике они указывают лишь на то, что Россия продолжит сохранять и расширять свое присутствие в регионе на основе договора 1959 г. Таким образом, содержательная повестка российской внешней политики в отношении приполярных областей остается весьма ограниченной.

При изложении региональных направлений внешней политики в документах 2013 и 2016 гг. по сравнению с предыдущими также стало проводиться более четкое разграничение Азиатско-Тихоокеанского пространства, с одной стороны, и Ближнего Востока, и Северной Африки — с другой. При этом такие страны, как Афганистан и Иран были отнесены во второе направление, хотя прежде они

упоминались в одном ряду с азиатскими странами. Еще ранее в документе 1993 г. они были отнесены к впоследствии исключенной категории — Южная и Западная Азия.

При достаточно обширном описании российских приоритетов на ближневосточном направлении в концептуальных документах особенностью их изложения остается отказ от указания отдельных партнеров (за исключением Концепции 2008 г.). Подобный подход может быть обусловлен стремлением Москвы выстраивать взаимодействие с широким кругом контрагентов, между которыми сохраняются острые противоречия [Katz 2010; Suchkov 2016]. В этих условиях сложившаяся практика умолчания позволяет избежать неудобных вопросов относительно конкретного состава и порядка упоминания стран в официальных документах.

Последней новацией концепций 2013 и 2016 гг. стала перестановка положений относительно взаимодействия со странами Латинской Америки и Африки. Оба направления относятся к числу периферийных для российской внешней политики, и каждому из них, как правило, посвящается лишь по одному параграфу. Вместе с тем в 2000—2010-х гг. Москва наладила продуктивные экономические связи и политические контакты с рядом стран Западного полушария [Яковлев 2016], что и нашло отражение в концептуальных документах.

Рассмотренные перестановки в структуре функциональных и региональных приоритетов в российской внешней политике свидетельствуют об эволюционном характере ее изменения. В представлении географических направлений наблюдается несколько большая динамичность, но она связана скорее с уточнением используемых категорий, чем с реальным пересмотром их значимости (фактически единственная реальная переоценка связана с изменениями на периферийных направлениях). Высокая устойчивость логики выстраивания приоритетов в 2000—2010-х гг. позволяет рассматривать ее как целостную структуру, несмотря на глубокие содержательные изменения в отношениях Москвы с основными зарубежными партнерами.

Указанные содержательные изменения получают отражение в эволюции формулировок и введении новых положений в рамках общей архитектуры концепции. Например, редакция 2016 г. в практике подобных документов напрямую закрепила допустимость использования военно-силового инструментария во внешней политике, по крайней мере, в отношении международного терроризма. Вместе с тем рассмотрение таких субстантивных новаций не относится к задачам, поставленным в настоящей статье.

ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ПРИОРИТЕТОВ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Для анализа приоритетов отечественного научно-образовательного сообщества была использована база данных диссертационных исследований Российской государственной библиотеки по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития». Тематика научных диссертаций выступает полезным индикатором

распределения интересов специалистов по международным отношениям по ряду причин.

Во-первых, написание диссертационного исследования (по крайней мере кандидатского) — промежуточный этап между получением высшего образования и вхождением в профессиональное сообщество. Выбор темы зачастую обусловлен представлениями об актуальных научных проблемах, сложившимися в ходе предшествующего обучения, а получившийся труд вносит вклад в постановку новых исследовательских задач.

Во-вторых, рукопись диссертации предстает результатом крупной исследовательской работы, осуществляемой на протяжении длительного срока (нормативный срок написания кандидатской диссертации очными аспирантами — три года). В этой связи выбор тематики свидетельствует об устойчивом, а не конъюнктурном интересе.

В-третьих, в ходе работы над кандидатской, а тем более докторской диссертацией исследователь публикует промежуточные результаты своей работы в научных статьях и монографиях. Они также апробируются в ходе научных конференций, получают практическое внедрение в рамках профильных образовательных дисциплин. Таким образом, диссертации по выбранной тематике порождают значительный мультипликационный эффект в ее изучении и преподавании.

Подготовка диссертаций по тематикам, связанным с формированием и реализацией внешней политики Российской Федерации, осуществляется по ряду направлений. В их числе научные специальности военного, исторического, экономического и юридического профиля. Выбранная для анализа в рамках настоящей статьи специальность относится к направлению политических наук — наиболее релевантному вопросам разработки и осуществления стратегии страны на международной арене.

Приоритеты любого научно-образовательного сообщества в значительной степени определяются внутренней динамикой его развития. Данное влияние получило обоснование в концепции научных революций и парадигмальных сдвигов Т. Куна, теории исследовательских программ И. Лакатоса, а также последующих исследованиях [Кун 2003; Лакатос 2008]. В развитии отечественных международно-политических исследований в 1990—2000-х гг. большое значение имел также процесс активного заимствования достижений зарубежных научных школ, доступ к которым был ограничен в советский период. А.Д. Богатуров определил его как «парадигму освоения» [Богатуров 2000].

Между тем французский специалист Б. Латур продемонстрировал, что внутридисциплинарная динамика оказывает влияние на процесс формирования и пересмотра научных приоритетов только во взаимодействии с социальным заказом [Латур 2013]. Подобное утверждение еще в большей степени корректно для образовательной деятельности, которая вынуждена ориентироваться на запросы рынка труда.

С учетом специфики исследований и преподавания по направлению «Международные отношения» их основным потребителем выступают профильные

органы государственной власти (в первую очередь Министерство иностранных дел, Совет Безопасности, Администрация Президента, а также соответствующие комитеты Парламента). Таким образом, документы, излагающие направления внешней политики правительства, — важнейший индикатор существующего заказа для научно-образовательного сообщества. Анализ тематических приоритетов продуктов деятельности этого сообщества (прежде всего диссертаций) позволяет выявить степень их соответствия государственным запросам.

В рамках проведенного исследования были выявлены и систематизированы данные относительно 1176 диссертационных исследований, размещенных в РГБ в период с 1991 по 2016 г.⁶ Преимуществом выбранного источника выступает нормативное требование к диссертационным советам направлять в эту библиотеку экземпляр диссертации и автореферата⁷. С учетом требований российского законодательства обоснованным будет предположение, что проведенное исследование охватило подавляющее большинство, если не все работы в формате рукописи, защищенные в Российской Федерации за указанный период. Определение года диссертации определяется датой ее размещения в РГБ, а не датой защиты.

В процессе анализа не учитывалось, была ли диссертация в итоге защищена. Аналогичным образом использование информации о размещении материалов в РГБ не позволяет установить сведения относительно исследований, работа над которыми была начата, но которые остались незавершенными. Дублирование, связанное с размещением в базе данных диссертаций, которые ставились на защиту несколько раз и соответственно рассылались неоднократно, было устранено в ходе анализа.

Изученный массив включает работы на соискание как кандидатской, так и докторской степени. Несмотря на то что последние, как правило, посвящены более масштабным и обширным темам, с точки зрения классификации, производимой в настоящем исследовании, это различие не имеет принципиального значения. Между тем введение в анализ докторских диссертаций позволяет существенно расширить анализируемый массив данных, в первую очередь, в отношении наиболее проблемного периода 1990-х гг. При этом из числа рассматриваемых работ были исключены диссертации, защищавшиеся в странах — членах СНГ, которые также содержатся в базе данных РГБ.

Рассмотренный массив характеризуется существенной неравномерностью (рис. 1). С учетом того, что легитимизация политических наук как самостоятельной дисциплины произошла только в период распада Советского Союза, на протяжении 1990-х гг. количество подготовленных диссертаций по специальности оставалось незначительным. Существенное увеличение числа работ произошло с 1998 г. Исходя из выявленной неравномерности, а также рассмотрен-

⁶ Поиск осуществлялся в электронном каталоге по названию и коду специальности.

⁷ Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/103526/#ixzz4xeUQVQRr> (дата обращения: 12.12.2017).

ной выше кристаллизации системы функциональных и региональных приоритетов России к началу 2000-х гг., основное внимание при анализе было посвящено массиву диссертаций с 2001 по 2016 г. Данные по предшествующему периоду приводятся в ряде случаев для сопоставления.

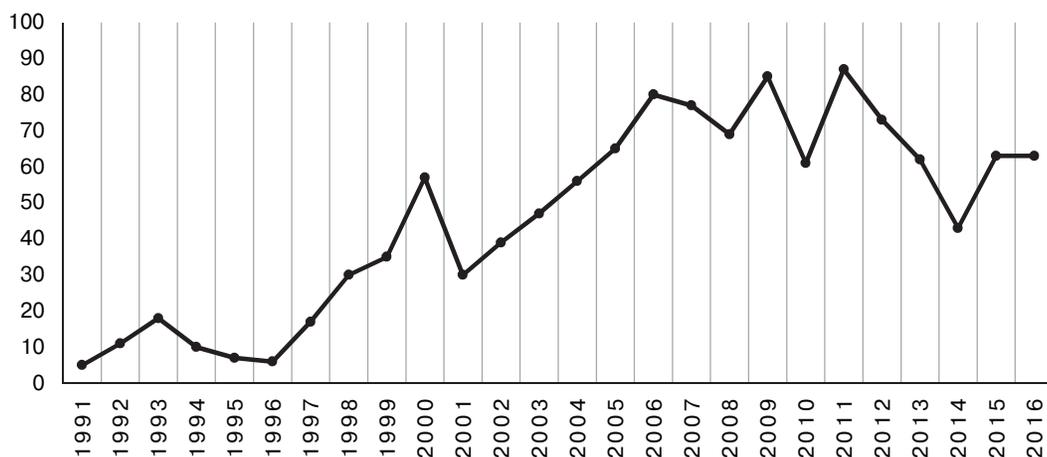

Рис. 1. Динамика размещения в РГБ диссертационных исследований по специальности 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития» (1991—2016) /

Fig. 1. Dynamic of presentation of the PhD theses on International Politics (code of specialization 23.00.04) in Russian State Library (1991—2016)

Пик подготовки диссертаций пришелся на период с середины 2000-х до начала 2010-х гг. В 2011 г. в РГБ было размещено наибольшее число работ — 87. Впоследствии число диссертаций снизилось в результате повышения требований к такого рода квалификационным исследованиям и усложнения процедуры защиты, а также сокращения числа профильных диссертационных советов⁸.

Классификация диссертаций по тематикам в большинстве случаев осуществлялась на основе анализа их названий. Иногда, когда названия оказывались недостаточно информативными, производилось изучение авторефератов, и в первую очередь разделов, освещающих объект, предмет, цель и задачи исследования. Часть работ затрагивала широкий круг вопросов, зачастую находящихся на стыке нескольких тематических полей (или, например, соответствовала каким-то функциональному и региональному приоритетам одновременно). В этом случае они включались в несколько групп.

Отнесение работ к различным категориям осуществлялось на основании качественной оценки автора, опиравшегося, в первую очередь, на терминологию, используемую в концептуальных документах по внешней политике Российской Федерации. Несмотря на то что такой подход не позволяет исключить вероятность

⁸ См. Постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/70461216/#ixzz4xeTlGpFy> (дата обращения: 12.12.2017).

отдельных ошибок в классификации, их возможное влияние на получаемые выводы сглаживалось большим числом наблюдений. С учетом широкого разнообразия тем диссертаций и используемого в них словоупотребления кодирование на основе экспертных оценок оказывается предпочтительным для выявления содержательной направленности исследования по сравнению с более формализованными способами оценивания.

АНАЛИЗ ТЕМАТИКИ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Настоящий раздел содержит результаты классификации диссертационных исследований в нескольких измерениях. Выбор параметров для классификации тематики диссертаций осуществлялся исходя из структуры приоритетов, представленных в Концепции внешней политики Российской Федерации. В том числе было выявлено распределение тем по вопросам, связанным с формированием мирового порядка, обеспечением международной безопасности, развитием международного экономического взаимодействия, а также формированием международного образа России и ее внешней политики, — то есть соответствующим четырем функциональным направлениям, обозначенным в концептуальных документах. Кроме того, проводилась классификация тем по региональным направлениям.

Из классификации были исключены вопросы верховенства международного права и правозащитной тематики, так как анализ в этих областях более характерен для работ по юридическим наукам. Число политологических исследований по этой проблематике недостаточно для проведения успешного сравнительного анализа. Аналогичным образом при рассмотрении региональных приоритетов работы по Арктике и Антарктике не выделялись в отдельную категорию — за весь рассматриваемый период были подготовлены только четыре диссертации по данным регионам в рамках изучаемой специальности.

Процессы трансформации мироустройства порождают многочисленные и разнообразные последствия для различных областей международного взаимодействия и в этой связи затрагиваются в значительном числе диссертационных исследований. В то же время число работ, непосредственно посвященных вопросам трансформации мирового порядка и организации глобального управления, в рассматриваемый период не превышало одной десятой от общего числа защищенных диссертаций.

Таблица 3 / Table 3

**Диссертации по проблематике мирового порядка
и глобального управления (1991—2016) /
PhD theses dealing with the issues of world order
and global governance (1991—2016)**

Показатель / Index	1991— 2000	2001— 2004	2005— 2008	2009— 2012	2013— 2016
Число диссертационных исследований / Number of dissertations	3	11	29	31	15
Доля в общем массиве диссертации, % / Share in the general array of dissertations (%)	0,02	0,06	0,10	0,10	0,07

В целом с начала 1990-х гг. в России было подготовлено около сотни исследований, освещающих эту тематику. Вместе с тем парадоксальным представляется некоторое снижение доли таких исследований в общем массиве подготовленных диссертаций в 2010-х гг. Оно происходило на фоне интенсификации и обострения дискуссий в зарубежном исследовательском сообществе относительно тенденций эволюции мировой системы (см., например: [Brooks, Wohlforth 2008; Zakaria 2009; Layne 2012; Nye 2015]).

Между тем стабильный интерес в исследуемый период сохранялся к проблемам международной безопасности. Их непосредственному рассмотрению посвящено около трети диссертаций, размещенных в РГБ.

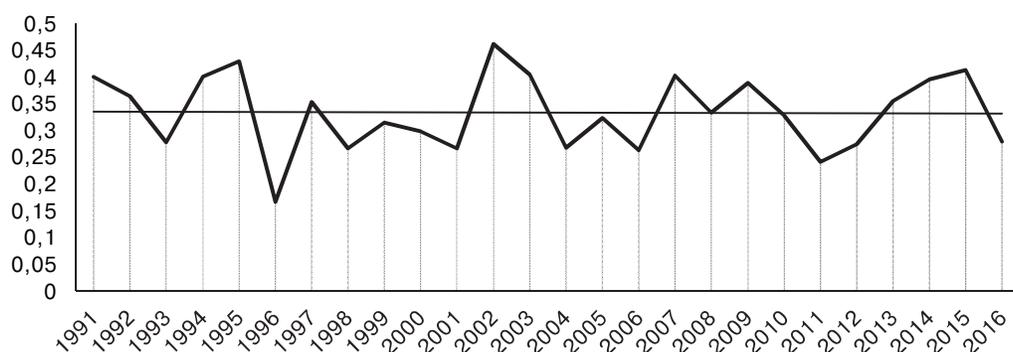

Рис. 2. Доля работ, посвященных вызовам международной безопасности, в общем объеме диссертаций (1991—2016) /

Fig. 2. Share of PhD theses dealing with the issues of international security (1991—2016)

В официальных документах Российской Федерации установилась четкая приоритизация вызовов международной безопасности, сформулированная в Концепции 2000 г. (направления, соответствующие таким тематическим областям, как: нераспространение оружия массового уничтожения (ОМУ), контроль над ОМУ и средствами доставки; информационная безопасность; региональная безопасность в Европе (контроль над вооружениями и меры доверия); миротворчество; борьба с терроризмом и насильственным радикализмом, борьба с наркопреступностью) и впоследствии расширенная в Концепции 2008 г. (были добавлены направления, соответствующие следующим тематическим областям: региональные конфликты и пограничные споры; миграционные вызовы; взаимодействие культур, этносов, цивилизаций). Позднее (в концепциях 2013 и 2016 гг.) формулировки соответствующего раздела оставались практически неизменными. Изучение группы диссертаций, непосредственно посвященных вопросам международной безопасности, позволяет произвести их распределение по подтемам, соответствующим различным типам вызовов (как видно из диаграммы на рис. 3, ряд работ охватывают более широкий круг вопросов — I, II, III).

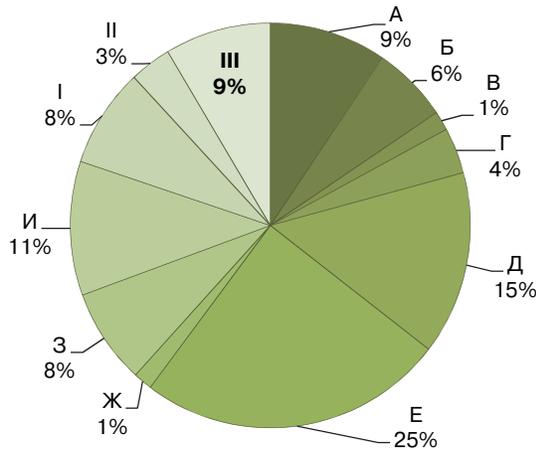

Рис. 3. Распределение диссертаций, посвященных исследованию вопросов международной безопасности, по типам вызовов (2001—2016) / **Fig. 3.** Distribution of PhD theses dealing with the issues of international security in accordance with the specific threats (2001—2016)

Примечание. Обозначения на диаграмме: А — нераспространение ОМУ, контроль над ОМУ и средствами доставки; Б — информационная безопасность; В — региональная безопасность в Европе (контроль над вооружениями и меры доверия); Г — миротворчество; Д — борьба с терроризмом и насильственным радикализмом; Е — региональные конфликты и пограничные споры; Ж — борьба с наркопреступностью; З — миграционные вызовы; И — взаимодействие культур, этносов, цивилизаций. I — военные аспекты безопасности; II — новые вызовы и угрозы; III — общие вопросы безопасности.

В целом военные и нетрадиционные вызовы международной безопасности рассматриваются в российской международно-политической науке практически на паритетных основаниях. Вместе с тем внутри этих двух групп научные интересы распределяются неравномерно.

Хотя в российских концептуальных документах в качестве важнейших обозначаются вызовы, связанные с угрозами нарушения стратегической стабильности и распространения оружия массового уничтожения⁹, число исследований по этой тематике остается сравнительно меньшим, чем по другим вопросам международной безопасности. Необходимо отметить, что изучение вопросов, связанных с контролем над вооружением, требует не только глубоких знаний в сфере общественных наук, но и понимание их технической стороны.

Гораздо чаще объектом диссертации становятся региональные столкновения и пограничные споры. Большое число работ, посвященных этому типу вызова, может объясняться широким распространением такого рода конфликтных ситуаций, каждый из которых может стать предметом отдельного рассмотрения.

В 2000-х гг. также стремительное развитие получили исследования проблем, порождаемых террористической активностью. Подобный интерес, вероятно, объясняется широким общественным обсуждением этой проблематики. Он также соответствует росту внимания к проблематике международного терроризма в за-

⁹ Они указываются первыми в документах, и соответствующие положения превосходят по содержательному наполнению последующие вызовы.

рубежной научной литературе [Walt 2005]. Значительное число научных работ также освещают проблемы, находящиеся в конце списка приоритетов в российских концептуальных документах, — вызовы, связанные с миграционными потоками, а также взаимодействием культур, этносов и цивилизаций.

Напротив, такие значимые для государственной стратегии вопросы, как контроль над вооружениями и меры доверия в Европе, а также миротворчество, становятся предметом специализированных политологических исследований сравнительно реже так же, как и вопросы борьбы с наркотической угрозой. Совсем вне фокуса внимания отечественного сообщества политологов-международников находятся регулирование оборота легкого и стрелкового оружия и международное сотрудничество в сфере реагирования на чрезвычайные ситуации и катастрофы.

Тематика международного экономического и экологического сотрудничества привлекает все возрастающее внимание исследователей (рис. 4). Особенно явно проявлялся рост интереса к указанной теме после финансово-экономического кризиса 2008—2009 гг. Тем не менее, число работ, непосредственно фокусирующихся на экономических вопросах, остается меньшим, чем количество исследований, посвященных проблемам международной безопасности.

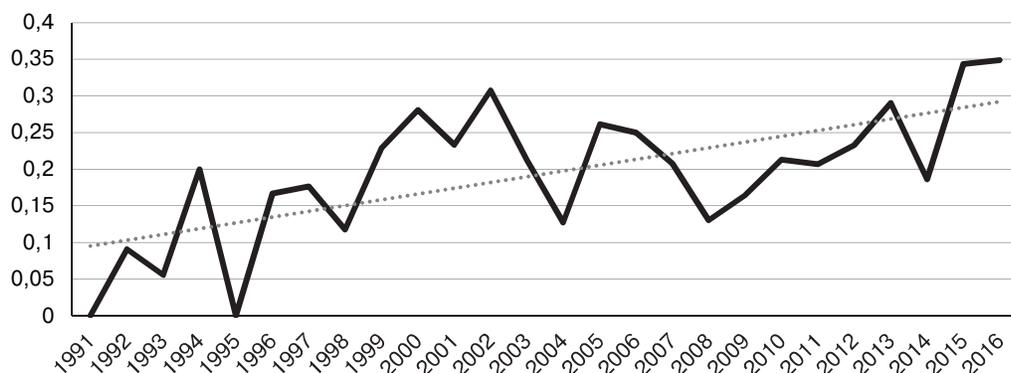

Рис. 4. Доля работ, посвященных вопросам международного экономического и экологического сотрудничества, в общем объеме диссертаций (1991—2016) /

Fig. 4. Share of PhD theses dealing with the issues of international economic and environmental cooperation (1991—2016)

Распределение на подтемы диссертаций, посвященных экономической проблематике, сложнее соотносить с положениями соответствующего раздела российских концепций внешней политики (в том числе потому, что в формулировках разных редакций документа наблюдалась большая изменчивость). Почти треть всех работ составляют исследования, посвященные экономической интеграции (рис. 5). В концептуальных документах эта тематика упоминается преимущественно в контексте региональных приоритетов, а не общих вопросов международного экономического сотрудничества, причем в основном применительно к постсоветскому пространству.

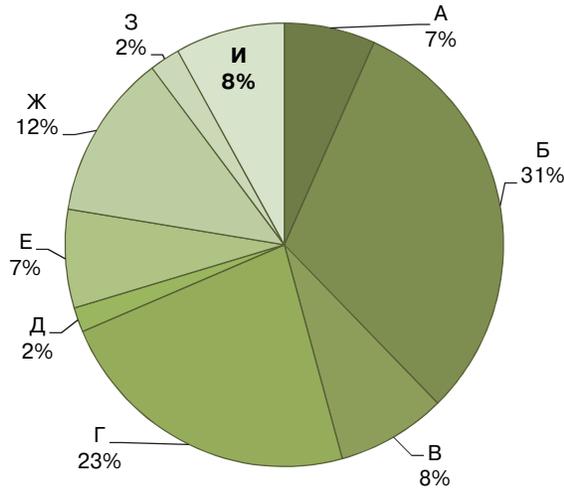

Рис. 5. Распределение диссертаций, посвященных исследованию вопросов международного экономического и экологического сотрудничества, по подтемам (2001—2016) /

Fig. 5. Distribution of PhD theses dealing with the issues of international economic and environmental cooperation in accordance with the specific sub-areas of interaction (2001—2016)

Примечание. Обозначения на диаграмме: А — глобальные экономические режимы и институты; Б — региональная интеграция; В — внешнеэкономическая политика отдельной страны и двусторонние экономические связи; Г — международная энергетика; Д — международные транспортные потоки; Е — экологическая проблематика; Ж — социально-экономическая стабильность и развитие стран; З — продовольственная безопасность и охрана здоровья; И — межрегиональные и приграничные связи.

Кроме того, широкое освещение в отечественных международно-политических исследованиях получали проблемы международного энергетического взаимодействия, а также поддержания социально-экономической стабильности и обеспечения развития отдельных стран. В российских концептуальных документах неизменно указывается на значение последней группы вопросов для обеспечения коллективной безопасности в мировой системе.

Напротив, укрепление российских позиций на мировых энергетических рынках непосредственно в качестве приоритета не выделялось в Концепции 2000 г. Наибольшее внимание этой задаче уделялось в следующей редакции 2008 г. В документах 2010-х гг. стремление выстраивать конструктивные отношения с различными группами игроков на мировых энергетических рынках фиксируется, но не в числе первых вопросов раздела о международном экономическом сотрудничестве.

В общем объеме диссертаций по политическим наукам работы по природоохранной тематике составляют подавляющее меньшинство. Такое положение вещей в целом соответствует освещению этой тематики в концепциях внешней политики России. Начиная с документа 2008 г. экология была вынесена в название одного из разделов функциональных направлений, но освещается она лишь одним параграфом, в котором до 2016 г. делался весьма осторожный акцент на необходимость «разработки научно обоснованных подходов» к природоохранной деятельности.

Также относительно небольшой процент составляют политологические исследования институтов и процессов глобального экономического управления, хотя обеспечению российского участия в них неизменно уделяется повышенное вни-

мание в концепциях внешней политики. Наконец, с 2001 г. в России было подготовлено пять политологических диссертаций по вопросам продовольственной и водной безопасности, а также проблематике международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями, которые также входят в число направлений внешнеполитической деятельности в соответствии с концептуальными документами.

Рост интереса к информационным аспектам международного взаимодействия по времени практически совпал с их закреплением в качестве одного из функциональных направлений внешнеполитической деятельности в начале 2000-х гг. Ранее работы, специально рассматривающие различные аспекты этой проблематики, появлялись лишь эпизодически. С середины 2000-х гг. доля исследований, посвященных вопросам международного позиционирования государств и их внешней политики, начала колебаться в пределах 9—11%, а с 2014 г. она существенно возросла. В абсолютных значениях количество работ по этой тематике не изменилось (от 4 до 7 диссертаций в год) на фоне общего сокращения числа исследований.

При этом число диссертаций, которые освещают собственно проблематику информационного сопровождения внешней политики, составляет меньшую долю исследований (рис. 6). Большой популярностью пользуется тематика, охватывающая вопросы формирования «мягкой силы» стран и осуществления общественной дипломатии с участием негосударственных субъектов. Подобный интерес связан не столько с отечественной спецификой, сколько с растущим признанием исследовательской программы, сформировавшейся под влиянием работ американского специалиста Дж. Ная-мл. [Nye 2004]¹⁰.

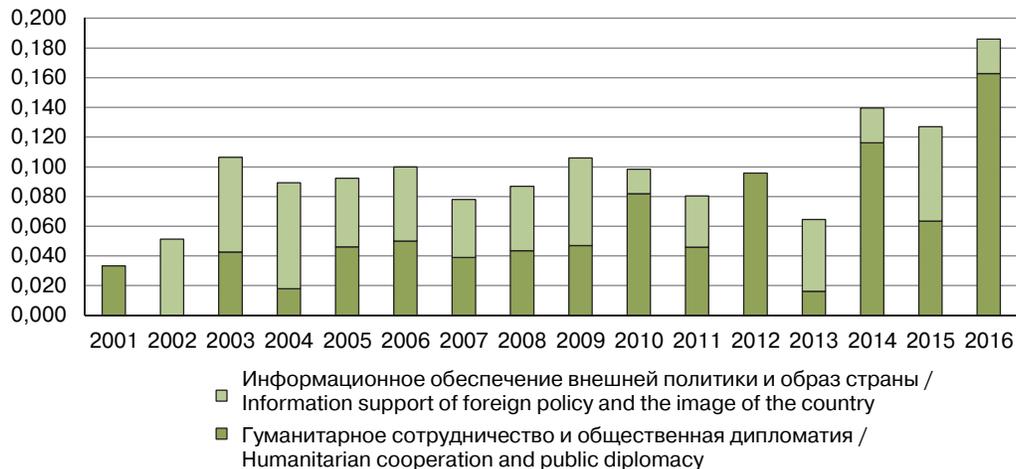

Рис. 6. Доля работ, посвященных вопросам международного позиционирования страны и информационного сопровождения внешней политики, в общем объеме диссертаций (2001—2016) /

Fig. 6. Share of PhD theses dealing with the issues of national image and informational coverage of foreign policy (2001—2016)

¹⁰ Характерно, что на выдвинутую Дж. Наем концепцию «мягкой силы» ссылался даже российский министр иностранных дел С.В. Лавров (Лавров С.В. Выступление и ответы на вопросы в ходе лекции для высшего офицерского состава Академии Генштаба, Москва, 23 марта 2017 года. URL: http://www.mid.ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/2702537 (дата обращения: 12.12.2017).

Наряду с вопросами, относящимися к числу функциональных приоритетов российской внешней политики, в диссертационных исследованиях широко освещалась региональная проблематика. Большая часть подготовленных работ характеризовалась фокусом на отдельных странах или группах географически близких стран (рис. 7). При этом доля работ, посвященных исключительно глобальным проблемам или общим вопросам, затрагивающим несколько регионов, с середины 2000-х гг. неизменно уменьшалась (хотя в среднем и оставалась выше, чем в 1990-х гг.).

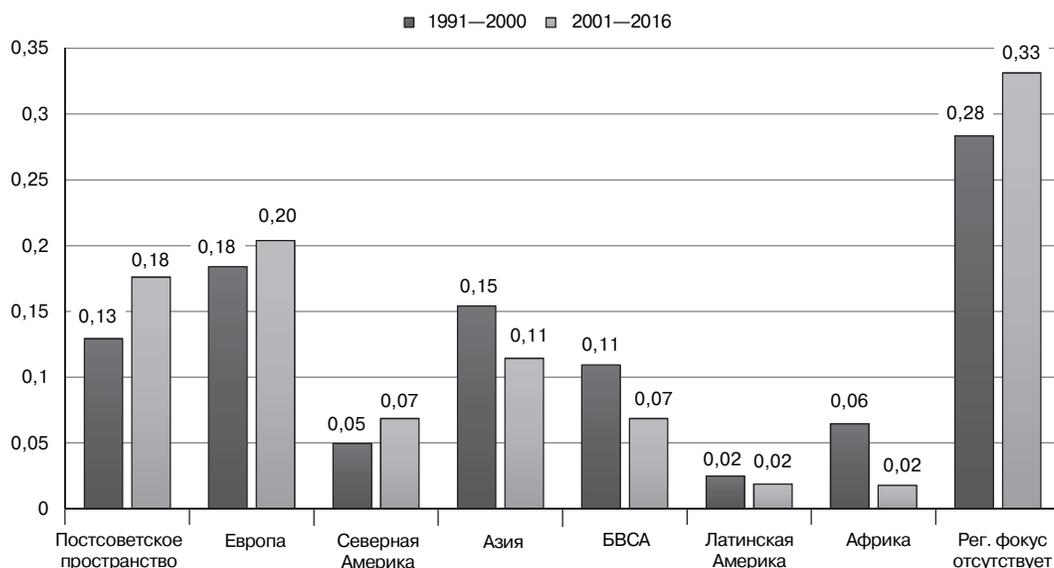

Рис. 7. Распределение диссертаций в зависимости от регионального фокуса (1991—2016) / **Fig. 7.** Distribution of PhD theses in accordance with their regional focuses (1991—2016)

В 2000—2010-х гг., несмотря на провозглашаемую российскими концепциями внешней политики многовекторность, в диссертационных исследованиях наблюдалась большая концентрация на изучении трех наиболее приоритетных регионов: постсоветского пространства, Европы, Северной Америки. При этом доля Азии, Ближнего Востока и Африки существенно снизилась. В 2001—2016 гг. пятая часть всех подготовленных диссертаций концентрировалась на проблемах европейского региона; вместе с исследованиями, посвященными США и Канаде, эта доля увеличивается до 27%. Сравнительно небольшое число работ, отнесенных к исследованиям Северной Америки, связано с тем, что эту подсистему составляют лишь два государства.

Второе место по числу диссертаций занимало постсоветское пространство — доля указанной проблематики в общем числе работ составляет две трети от показателя Евро-Атлантического региона. Порядка 10% исследований было посвящено Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. Несмотря на широко деклариру-

емый «поворот на Восток»¹¹, с середины 2000-х гг. (по 2016 г.) доля работ по этим регионам плавно уменьшалась, в то время как число диссертаций, посвященных европейским исследованиям, устойчиво возрастало. Наименьший интерес у отечественного научно-образовательного сообщества вызывала проблематика Латинской Америки и Африки южнее Сахары.

При оценке состояния исследований, посвященных «восточной» проблематике, необходимо учитывать, что специалисты по этому региональному направлению зачастую относятся с недоверием к методологии политических наук и предпочитают защищаться по историческим и филологическим специальностям. В то же время сравнительно более высокий уровень числа исследований в 1990-х гг. свидетельствует, что относительно меньшая их доля в последующие годы определяется не только дисциплинарными предпочтениями.

Проведенный анализ подтвердил, что приоритеты отечественного научно-образовательного сообщества политологов-международников в значительной степени коррелируют с основными направлениями российской внешней политики в том виде, как они зафиксированы в концептуальных документах. Изучение базы данных диссертаций подтверждает широкий тематический и географический охват проводимых исследований, в то же время демонстрируя ряд специфических отличий, обусловленных интересами отдельных специалистов, динамикой дисциплинарной дискуссии или приоритетами иных заинтересованных групп, кроме государственных ведомств.

В частности, с точки зрения приоритетов государственной политики наблюдается недостаток работ, посвященных проблемам контроля над вооружениями на стратегическом и региональном уровнях, регулирования мировой экономики, политическим аспектам международного взаимодействия в сфере науки и инноваций. Активная российская позиция по вопросам трансформации международной системы создает запрос на серьезные, фундаментальные исследования по этой тематике. Снижение внимания научно-образовательного сообщества к ней делает внешнеполитическую аргументацию более уязвимой.

Кроме того, число исследований, посвященных вопросам международного взаимодействия на постсоветском пространстве, не соответствует его позиционированию в качестве наиболее приоритетного для России. Наконец, активизация российской внешней политики в Азиатско-Тихоокеанском регионе не сопровождалась до сих пор увеличением числа защищаемых диссертаций. Эта тематика также заслуживает большего числа специализированных работ.

¹¹ Барабанов О.В., Бордачев Т.В. К Великому океану, или новая глобализация России. Аналитический доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июль 2012. URL: <http://www.karaganov.ru/content/images/uploaded/a35455a80df7c2e23eba579d0f87665f.pdf> (дата обращения: 12.12.2017).

Несмотря на то что анализ диссертационных исследований представляется достаточно надежным способом определения приоритетов научно-образовательного сообщества, полученные результаты могут быть проверены и скорректированы на материале других типов работ. В частности, они могли бы быть верифицированы и на основе изучения публикаций высокорейтинговых отечественных журналов, учебников и учебных пособий, а также научных монографий.

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 16-23-41004.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамишин А.Л.* В разные годы. Внешнеполитические очерки. М.: Весь мир, 2016.
- Батурин Ю.М., Ильин А.Л., Кадацкий В.Ф., Костиков В.В., Краснов М.А., Лившиц А.Я., Никифоров К.В., Пихоя Л.Г., Сатаров Г.А.* Эпоха Ельцина: очерки политической истории. М.: Вагриус, 2001.
- Богатуров А.Д.* Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. № 1. С. 195—201.
- Богатуров А.Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 16—33.
- Богатуров А.Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 1 (13). С. 54—69.
- Внешняя политика и безопасность современной России 1991—2002: хрестоматия. Т. 4: Документы / сост. Т.А. Шаклеина. М.: МГИМО, 2002.
- Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 41. С. 35—54.
- Истомин И.А., Байков А.А.* Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 41. С. 114—140.
- Козырев А.В.* Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 5—15.
- Кун Т.* Структура научных революций. М.: АСТ, 2003.
- Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008.
- Латур Б.* Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013.
- Лебедева М.М.* Российские международные исследования: возможный вклад в развитие общемировой науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 2. С. 83—95.
- Примаков Е.М.* Международные отношения накануне XXI века: проблемы, перспективы // Международная жизнь. 1996. № 10. С. 3—13.
- Цыганков П.А.* «Международные отношения и мировая политика» консолидация учебно-научной дисциплины? // Международные процессы. 2013. Т. 11. № 34. С. 6—20.
- Яковлев П.П.* Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 1. С. 40—51.
- Brooks S.G., Wohlforth W.C.* World out of balance: international relations and the challenge of American primacy. Princeton: Princeton University Press, 2008.
- Katz M.N.* Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam. IFRI. 2010. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirussiamiddleeastkatzengapril2010.pdf> (дата обращения: 10.08.2017).
- Layne C.* This time it's real: The end of unipolarity and the Pax Americana // International Studies Quarterly. 2012. Vol. 56. N 1. P. 203—213. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x>.

- Nye J.S.* Soft power: the means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004.
- Nye J.S.* Is the American century over? Malden: Polity Press, 2015.
- Suchkov M.* Russia's Plan for the Middle East. *The National Interest*. 15.01.2016. URL: <http://nationalinterest.org/feature/russias-plan-the-middle-east-14908> (accessed: 10.08.2017).
- Walt S.M.* The relationship between theory and policy in international relations // *Annual Review of Political Science*. 2005. Vol. 8. P. 23—48.
- Zakaria F.* The Post-American World. N.Y.: W.W. Norton, 2009.

Дата поступления статьи: 11.07.2017

Для цитирования: *Истомин И.А.* Сравнительный анализ приоритетов российской внешней политики и научно-образовательного сообщества специалистов по международным отношениям // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 1. С. 162—185. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185.

Сведения об авторе: *Истомин Игорь Александрович* — кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (e-mail: iaistomin@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE RUSSIAN FOREIGN POLICY PRIORITIES AND RESEARCH INTERESTS OF THE NATIONAL ACADEMIC COMMUNITY

I.A. Istomin

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University),
Moscow, Russian Federation

Abstract. Assessment of the correlation in priorities of the academic community and national foreign policy represents not only an intriguing research question by itself, but also an important practical task. As the governmental bodies remain the main source of demand for professionals and research in International Relations, such analysis could create a foundation for the status and material aspirations of scholars. Nevertheless, there were no systematic attempts to assess the abovementioned correlation on the basis of the sufficient empirical data. The current article is aimed to stimulate discussion regarding the connections between policy and academic priorities through providing comparative analysis of the major directions in Russian official documents and topics covered in PhD theses on International Politics.

The analysis covers the period from the early 1990s until 2016. The use of PhD theses as an object for the current study is justified by their reflection of long-term research orientations, significant multiplying effect on higher education and academic publications, as well as define transition of young specialists from students to members of the professional community. The article proves that thematical preferences of the PhD theses, prepared in 2000s and 2010s, to a great extent correlate with the priorities defined by the Russian Concepts of foreign policy. However, they underrepresent several important policy directions, such as arms control, political aspects of global innovation system and international relations in the Post-Soviet space and in the Asia Pacific.

Key words: Concept of foreign policy, Russian foreign policy, issue-area priorities, regional priorities, Political Science, PhD theses, academic community

Acknowledgments: The article was prepared with the support of the RFBR grant No. 16-23-41004.

REFERENCES

- Adamishin, A.L. (2016). *In various years. Foreign policy essays*. Moscow: Ves' mir Publ. (In Russ.).
- Baturin, Yu.M., Iljin, A.L., Kadatskij, V.F., Kostikov, V.V., Livshits, A.Ya., Nikiforov, K.V., Píkoya, L.G. & Satarov, G.A. (2001). *Yeltsin's Epoch: essays in political history*. Moscow: Vagrius. (In Russ.).
- Bogaturov, A.D. (2000). Ten years of the paradigm of absorption. *Pro et Contra*, 1, 195—201. (In Russ.).
- Bogaturov, A.D. (2004). The notion of world politics in theoretical discourse. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2 (4), 16—33. (In Russ.).
- Bogaturov, A.D. (2007). Three generations of the Russian foreign policy doctrines. *Mezhdunarodnye protsessy*, 5(1(13)), 54—69. (In Russ.).
- Brooks, S.G. & Wohlforth, W.C. (2008). *World out of balance: international relations and the challenge of American primacy*. Princeton: Princeton University Press.
- Degterev, D.A. (2015). Quantitative methods in international studies. *Mezhdunarodnye protsessy*, 13 (41), 35—54. (In Russ.).
- Istomin, I.A. & Baykov, A.A. (2015). Comparative specific of Russian and foreign academic journals. *Mezhdunarodnye protsessy*, 13(41), 114—140. (In Russ.).
- Katz, M.N. (2010). *Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam*. IFRI. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifrirusiamiddleeastkatzengapril2010.pdf> (assessed: 10.08.2017).
- Kozyrev, A.V. The Strategy of partnership. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 5, 5—15. (In Russ.).
- Kuhn, T.S. (1962). *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakatos, I. (2008). *Selected works in philosophy and methodology of science*. Moscow: Akademicheskij projekt Publ. (In Russ.).
- Latour, B. (1987). *Science in action: how to follow scientists and engineers through society*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
- Layne, C. (2012). This time it's real: The end of unipolarity and the Pax Americana. *International Studies Quarterly*, 56(1), 203—213. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2011.00704.x>.
- Lebedeva, M.M. (2015). Russian international studies: the possible contribution to the global academia. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2, 83—95. (In Russ.).
- Nye, J.S. (2004). *Soft power: the means to success in world politics*. N.Y.: Public Affairs.
- Nye, J.S. (2015). *Is the American century over?* Malden: Polity Press.
- Primakov, E.M. (1996). International relations on the edge of the 21st century. *Mezhdunarodnaya zhizn'*, 10, 3—13. (In Russ.).
- Shakleina, T.A. (Eds.). (2002). *Foreign policy and security of the current Russia 1991—2002. Anthology. Volume 4. Documents*. Moscow: MGIMO Publ. (In Russ.).
- Suchkov, M. (2016). Russia's Plan for the Middle East. *The National Interest*. URL: <http://nationalinterest.org/feature/russias-plan-the-middle-east-14908> (assessed: 10.08.2017).
- Tsygankov, P.A. (2013). "International Relations and World Politics" — consolidation of the educational and research discipline? *Mezhdunarodnye protsessy*, 11(34), 6—20. (In Russ.).
- Walt, S.M. (2005). The relationship between theory and policy in international relations. *Annual Review of Political Science*, 8, 23—48.

Yakovlev, P.P. (2016). Russian strategic partnership with the Latin American countries: trends and countertrends. *Perspektivy. Elektronnyj zhurnal*, 1, 40—51. (In Russ.).

Zakaria, F. (2009). *The Post-American World*. N.Y.: W.W. Norton.

Received: 11.07.2017

For citations: Istomin, I.A. (2018). Comparative analysis of the Russian foreign policy priorities and research interests of the national academic community. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (1), 162—185. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-1-162-185.

About the author: *Istomin Igor' Aleksandrovich* — PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Applied Analysis of International Problems of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: iaistomin@gmail.com).

© Истомин И.А., 2018